

Л. Н. Таганов

КАПИЛЛЯРНЫЙ СОСУДИК СОВЕТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Вряд ли в России найдется еще один город, как Иваново, где бы так рельефно, «грубо, зримо», говоря словами Маяковского, проступали черты *советскости*. Причем, я сразу хотел бы оговорить то обстоятельство, что *советскость* нельзя сводить к пресловутой *совковости*, которая, конечно же, весьма наглядно проявлялась в существовании советского Иваново. Чего стоят, например, факты тотального замалчивания приезда в наш город в середине прошлого века Андрея Тарковского, Андрея Вознесенского, Булата Окуджавы, Евгения Евтушенко, чьи имена, по мнению ивановских властей, были чужды родине Первого Совета. Соц-артовский дискурс, конечно, может и должен найти место в проекте «Иваново — самый советский город», но он, этот дискурс, ни в коей мере не должен перекрывать главного: представления об Иваново как своеобразном капиллярном сосудике советской цивилизации.

Понятие «советская цивилизация» сравнительно недавно вошло в научный оборот, и его глубокое теоретическое, историко-культурное обоснование еще впереди. Но на примере истории нашего города мы можем представить некую модель формирования, становления, функционирования и падения советской цивилизации. При этом ивановский вариант этой модели будет непременно включать общие закономерности советского существования.

Корни советской цивилизации уходят в деревенскую Россию, только-только вступившую на путь капиталистического развития. Село Иваново — весомое доказательство этого тезиса. Здесь, как нигде, обозначились противоречия русской действительности, связанные с наступлением капитализма. Об этом замечательно писал академик В. П. Безобразов в очерке «Село Иваново», напечатанном в первом номере журнала «Отечественные записки» за 1864 год: «Мы до сих пор нигде не замечали таких резких, как в Иваново, проявлений этого так называемого общественного, или *социального* вопроса, этой общечеловеческой вражды между богатством и нищетой. Так и должно быть, ибо нигде нет такого развития европейского *индустриализма*, как здесь». А дальше В. П. Безобразов пишет о том, что в Иваново наблюдается «удивительное сочетание и переплетение давно отжившей для образованных классов русской старины с явлениями самого крайнего мануфактурного индустриализма Европы».

Село Иваново уже в середине XIX века называли русским Манчестером. В этом, казалось бы, сочетании несочетаемого, на мой взгляд, и таится корень, из которого позднее произрос Красный Манчестер, Иваново — *самый советский город*.

Интереснейшие свидетельства о русском Манчестере в плане интересующей нас темы принадлежат первым ивановским писателям, чьи имена сегодня почти забыты. Среди них в первую очередь надо назвать Филиппа Диомидовича Нефедова (1838 – 1902), Василия Алексеевича Рязанцева (1829-1866), Сергея Федоровича Рыскина (1859 – 1895). Эти писатели явились создателями «черного мифа» об Иванове. В их представлении русский Манчестер — гиблое место, «тихий омут», «чертово болото», где черный дым фабрик закрывает солнце. Понятно, что этот «черный миф» дает одностороннее представление о русском Манчестере и принижает выдающийся вклад фабрикантов в экономику и культуру ивановского края. И хорошо, что сейчас стали отдавать должное Гарелину и Бурылину как почетным гражданам Иванова. Но, с другой стороны, без «черного мифа» нам не понять глубинной ивановской истории. Не понять, почему именно в нашем крае родился и сформировался такой «асмодей русской революции», как Сергей Геннадьевич Нечаев, чьи действия и взгляды и сегодня востребованы террористами самых разных уровней. А бес этот выскочил из «чертова» ивановского болота, из села, где, по словам Нефедова, все «смешано и склеено из крайних разнородных элементов». Где крайняя нищета соседствует с несметным богатством, высокоразвитая индустриальная техника — с темнотой рабочего люда. И это ли не почва для рождения таких фанатиков ненависти, каким был Нечаев?

Я считаю, что Иваново многое потеряло, когда в 70-годы прошлого века была переименована улица Нечаева (сейчас — улица Варенцовой), снесен дом на этой улице, в котором он родился и долгое время жил. В свое время я бывал в этом мрачном доме. Какой впечатляющий музей «черной революции» мог бы получиться из этого дома!

Вы думаете, что, говоря о Нечаеве, я ушел от темы «Иваново — самый советский город»? Ничего подобного. Нечаева весьма почитал создатель советского государства В. И. Ленин (См. воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича о Ленине). Председатель Первого в России Совета рабочих депутатов А. Е. Ноздрин, судя по его дневникам двадцатых годов, считал Нечаева «величайшим революционером» и написал о нем книгу «Сын народа» (утеряна в архивных недрах какого-то московского издательства). И то, что бывшая Пятницкая улица была в канун десятилетия Октябрьской революции переименована в улицу Нечаева, свидетельствует: в советском Иванове до поры до времени свято хранили память об одном из родоначальников русского терроризма.

Для меня, литератора, интереснее всего в разговоре о советской цивилизации, об ивановском варианте ее проявления сам тип личности или, вернее, типы личности, представляющие эту цивилизацию. И здесь мы тоже видим то самое сочетание несочетаемого, о котором говорилось выше. Возьмем, например, все того же Ноздрина. С одной стороны, почитатель неистового Нечаева, поэт, прославивший в своих стихах ивановских рабочих, восставших против фабрикантов. Человек, близкий большевикам, приветствующий многие

производственные, культурные начинания советской власти. С другой стороны, в Ноздрине с самого начала проявлялась, как он сам писал в своем дневнике, «проклятая природа какой-то капризной свободы», которая заставляла его критически переосмысливать новую советскую действительность, о которой он, казалось бы, мечтал до революции. Его пугает «красный террор», жесткая политика большевиков в отношении интеллигенции, всеобщая уравниловка. Ноздрин, считающийся одним из родоначальников пролетарской поэзии, более всего из советских поэтов любил Есенина, а Маяковского называл «литературным Муссолини».

Иваново дает возможность выдвинуть тему о драме ленинского большевизма в лице весьма крупных, талантливых личностей. Таких, как Фрунзе, Фурманов, Постышев и др. Поддерживаю тех, кто считает, что не надо спешить с переименованием улиц, связанных с революционными именами. Пусть останется площадь Революции и памятник Фрунзе. Пусть даже высится на привокзальной площади фантазмагорической голова женщины, символизирующая особое революционно-гендерное начало Иванова (соц-артовский штрих в монументальной культуре города). Всячески надо оберегать конструктивистское архитектурное наследие (дом-корабль, дом-подкову и т.п.), свидетельствующие о том, что Иваново-Вознесенск всерьез готовился стать столицей советской России, как бы материально реализуя стихотворные строки А. Ноздрина: «Город ткачей и поэтов,/ Третья России столица,/ Родина красных советов,/ Нового мира бойница». И, безусловно, необходимо сохранять память о знаменитых ивановских фабриках, комбинатах, воздвигнутых при советской власти. Сейчас большинство их приспособлено под различного рода торговые точки, супермаркеты. Так вот на каждом из зданий такого рода стоит повесить мемориальные доски с обозначением, что представляло собой это здание в прошлом. Хорошо бы при этом разработать ряд экскурсионных программ с таким, положим, названием «По местам исчезнувшей текстильной столицы Советского Союза».

Не будем забывать, однако, о том, что Красный Манчестер, претендующий в конце двадцатых годов на то, чтоб стать столицей Советской России, во второй половине 1930-х годов подвергся страшным репрессиям. За что? Да за то самое славное революционное, большевистское прошлое, которым так гордилось Иваново. У нас об этом не очень любят вспоминать, но искоренение Сталиным «ленинской гвардии» — один из кульминационных моментов в жизни советской цивилизации, больно отозвавшееся на многих человеческих судьбах ивановцев. Вспомним о трагическом финале жизни «пламенных большевиков»: Постышева, Бубнова и др. Вспомним о гибели в ивановской тюрьме А. Е. Ноздрина, которого под пытками вынуждали отказаться от звания председателя Первого Совета рабочих депутатов. Кстати сказать, надо бы переиздать книгу Евгения Глотова «Самозванец», вышедшую мизерным тиражом в Иваново в 1998 году, где рассказывается о пребывании Ноздрина в тюрьме. Там есть потрясающая сцена, воспроизводящая кошмарный сон героя.

Авенир идет по тропке вдоль реки Талки, которую он воспел в свое время, как реку, символизирующую исток советской власти. Напротив лесной дорожки вдруг возникает видение, Далее цитирую книгу: «Кладбище не кладбище, а только возвышаются бюсты в два ряда — под линейку. Идет он по странной аллее — и мороз по коже продирает: узнает в памятниках знакомых своих. Вот этот, с бородой и в очках, должно быть, Отец. Этот, молоденький, — Евлампий... А вот... Что-то больно знакомое лицо. И сердце зашлось: так это ж он сам, Авенир! Но как же так? Почему его заживо похоронили? Он хватается за голову и бежит прочь от этого места. Подальше, подальше, а вслед ему несется улюлюкание казаков: они мчатся за ним — только гул от земли отдается да посвистывает над его головой нагайка».

Эта сюрреалистическая картина, в основе которой лежит приснившаяся герою Аллея борцов революции на Талке (сооружена в 1960-е годы), содержит в себе посыл к трагическому восприятию ивановской истории, где прошлое, настоящее и будущее носило и носит амбивалентный характер. В связи с этим напомним еще об одном примечательном литературном явлении.

Иваново выдвинуло целый отряд замечательных *советских* поэтов-фронтовиков: А. Лебедев, Н. Майоров, М. Дудин, В. Жуков... Они представляли собой поколение, выросшее при советской власти, очень любили рабочее Иваново и мечтали о победе коммунизма. Искренне верили партии. Их социальный романтизм воплощался в талантливые стихи, которые и сегодня не могут не волновать. Чего стоит только одно стихотворение Н. Майорова «Мы»: «Мы были высоки, русоволосы. / О нас вы прочтаете, как миф, / О людях, что ушли не долюбив, / Не докурив последней папиросы». Но с течением времени поэты-фронтовики, столь ярко и громко заявившие о своей советскости, начинают чувствовать, что они стали заложниками тоталитарного государства. Недаром же у самого «партийного» из этих поэтов, В. Жукова, вырвались такие строчки: «Был я молод, стал хворым и старым, / А Коммуна все в той же дали, / Командиры мои, комиссары, / И куда ж вы меня завели?».

Мне кажется, наши местные историки, культурологи, музейщики недооценивают то обстоятельство, что в «самый советский город», начиная со второй половины 1950-х годов, врывается волна мироощущения «шестидесятников», исповедующих идею «социализма с человеческим лицом» и вступающих в конфликт с тогдашней властью. Яркий пример тому Ивановский молодежный театр, созданный Региной Гринберг. Мне не раз приходилось писать о том, что благодаря этому театру, в нашем крае было создано такое культурное поле мощного напряжения, которое не только притягивало все самое талантливое в ближайшем областном окружении, но и включало в себя устремления многих известных властителей умов второй половины двадцатого века (А. Вознесенский, Э. Неизвестный, А. Володин, Б. Окуджава и др.). Ивановский театр породнился с «Современником» О. Ефремова и «Таганкой» Ю. Любимова.

В 1976 году в Иваново приезжал Тарковский, и его приезд провел резкую границу между властью, стремящейся всячески принизить явление гениального режиссера на родине Первого Совета, и новой генерацией ивановской интеллигенции, все острее осознающей лицемерный характер партийного начальства. Нельзя допустить, чтобы нынешние грандиозные, порой излишне помпезные фестивали «Зеркало», посвященные нашему великому земляку, вытесни ли бы из памяти его первый приезд, носящий столь драматический характер.

Я могу показаться излишне пристрастным в своей литературной заикленности относительно рассматриваемой темы, но все же настаивал и настаиваю, что именно Иваново выдвинуло поэта, который раньше, чем кто-либо, предсказал крах советской цивилизации и расплатился за свои предсказания тридцатью годами жизни под гулаговским знаком. Да, речь идет об Анне Барковой. Не буду сейчас говорить о ее потрясающем творчестве, которое сегодня известно далеко за пределами России. Скажу только одно: трагикомичен тот факт, что в современном Иваново, где несколько улиц под названием Лагерная, нет даже переулочка, носящего имя поэтессы, прошедшей через крошечный ад сталинских лагерей и создавшей там, за колючей проволокой, свои потрясающие пророческие произведения.

В заключение скажу следующее: любовь к родному городу проявляется не в пиаре его внешних достоинств, не в горделивом расхваливании знатных земляков, а в понимании внутренней органики его жизненного существования, приятия его во всех его крайностях и противоречиях. Как рассказать об Иваново как живом капиллярном сосудике советской цивилизации? Об этом нам всем еще думать и думать.